

Николай Михайлович Карамзин

**Достопамятная жизнь девицы
Клариссы Гарлов**

Николай Михайлович Карамзин

Достопамятная жизнь девицы Клариссы Гарлов

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2976175*

Аннотация

«...Самое то, что может иному показаться излишнею пространностию в сем романе, вмещает в себе мастерские черты, для знатока драгоценные и служащие к совершенству целого. Что принадлежит собственно до характеров, то Кларисса, добронравная, нежная, благодетельная и несчастная Кларисса, которую мы столько любим и столь сердечно оплакиваем, и Ловелас, в котором видим такое чудное, однако ж естественное, смешение добрых и злых качеств, – Ловелас, иногда благородный и любезный, иногда чудовище – сии два характера, говорю я, будут удивлением всех читателей и всех времен и останутся вечными памятниками творческой силы Ричардсонова духа...»

Содержание

Николай Михайлович Карамзин Достопамятная жизнь девицы Клариссы Гарлов

*сочиненная на английском языке Ричардсоном.
Часть I. В граде св. Петра, 1791*

Не одна английская нация поднесла венец Ричардсону как искусному живописцу моральной природы человека; не в одной Англии хвалили его сочинения на кафедрах и находили в них наилучшую философию жизни, предложенную неприятнейшим образом. Руссо, Дидрот, Галлер, Геллерт с жаром превозносили достоинство английского творца и наиболее удивлялись ему в «Клариссе». Написать *интересный роман в восемь томов*, не прибегая ни к чудесам, которыми эпические поэты стараются возбуждать любопытство в читателях, ни к сладострастным картинам, которыми многие из новейших романистов прельщают наше воображение, и не описывая ничего, кроме самых обыкновенных сцен жизни, — для сего потребно, конечно, отменное искусство в описании подробностей и характеров. Самое то, что может иному показаться излишнею пространностию в сем романе, вмещает в себе мастерские черты, для знатока драгоценные и слу-

жащие к совершенству целого. Что принадлежит собственно до характеров, то Кларисса, добронравная, нежная, благодетельная и несчастная Кларисса, которую мы столько любим и столь сердечно оплакиваем, и Ловелас, в котором видим такое чудное, однако ж естественное, смешение добрых и злых качеств, – Ловелас, иногда благородный и любезный, иногда чудовище – сии два характера, говорю я, будут удивлением всех читателей и всех времен и останутся вечными памятниками творческой силы Ричардсонова духа. У англичан много романов, превосходных в своем роде – более, нежели у других наций, для того что у них более оригинальности во нравах, более интересных характеров, – однако ж, говоря словами одного нового писателя, *Кларисса у них одна, так же как у французов одна Новая Элоиза.*

Всего труднее переводить романы, в которых слог составляет обыкновенно одно из главных достоинств; но какая трудность устрасит русского! Он берется за чудотворное перо свое, и – первая часть Клариссы готова.

Сия первая часть переведена с французского – я уверился в сем по первым строкам, – но г. переводчик не хотел нам сказать того, желая заставить нас, бедных читателей, думать, что он переводит с английского оригинала. Впрочем, какое нам дело до его желаний! Посмотрим только, каков перевод. Вот начало:

«Надеюсь, дражайшая моя приятельница и подруга, что ты нимало не сомневаешься в том, какое я принимаю уча-

стие в восставших в твоём семействе смятениях и беспокойствах. Знаю, колько для тебя чувствительно и прискорбно быть причиною всенародных разговоров; но невозможно никак, чтобы в столь известном происшествии все, касающееся до молодой девицы, отличившей себя отменными своими дарованиями и учинившейся предметом общего почтения, не возбуждало любопытства и внимания всего света. Желая нетерпеливо узнать от тебя самой все о том подробности, и каким образом поступлено было с тобою по случаю такого происшествия, которому ты не могла воспрепятствовать и в котором по всем моим догадкам претерпел больше всех начинщик». —

«*Нимало не сомневаешься в том, какое участие*», и проч. сказано неправильно; *какое* не может отвечать *тому*. Надлежало бы сказать: «Ты, конечно, не сомневаешься *в том, что* я беру великое участие» — и проч. — Девица Анна Гове, или Гоу, могла бы написать по-французски к своей приятельнице: «*Les troubles qui viennent de s'élever dans votre famille*»¹; но по-русски (NB если бы она умела хорошо писать) не вздумалось бы ей сказать: «*Беспокойства, восставшие в твоём семействе*». Беспокойства ни *ложиться*, ни *восставать* не могут. — «*Колко для тебя чувствительно*», и проч. Девушка, имеющая вкус, не может ни сказать, ни написать в письме *колко*. Впрочем, г. переводчик хотел здесь последовать моде, введенной в русский слог «големыми претолковника-

¹ Беспокойства, начавшиеся в вашей семье (франц.). — *Ред.*

ми NN, иже отревают всё, еже есть русское, и блещаются блаженно сиянием славяномудрия». – «*Быть причиною всенародных разговоров*», и проч. Не *причиною*, а *предметом* разговоров, – думал сказать г. переводчик (*devenir le sujet des discours publics*). И для чего *всенародных*, а не *публичных* разговоров? – «*Отличившей себя отменными дарованиями*», и проч. *Отличить* и *отменить* все одно. Если Кларисса *отличила* себя дарованиями, то они, конечно, были уже *отменны*. К тому же во французском подлиннике² говорится здесь не о дарованиях, а о свойствах или качествах (*qualités*). – «*Учинившейся предметом общего почтения*», и проч. *L'objet du soin public* есть более предмет общего *внимания*, нежели *почтения*. В простом слоге лучше сказать: *сделаться предметом* чего-нибудь, нежели *учиниться*. – «*Узнать все о том подробности*», и проч. *Подробности* чего-нибудь, а не в чем-нибудь. – «*По всем моим догадкам*», и проч. Речь идет о поединке, о котором рассказывали сочинительнице сего письма. Тут не было места догадкам. «*Autant que j'ai pu m'en éclaircir*», – говорит она, – то есть: «Сколько я узнать или разведать могла».

На третьей странице остановило меня следующее место: «Но оставим рассуждать людей как им угодно.

Весь свет о тебе сожалеет. Какое *твердое поведение* без всякой перемены! *Столько зависти*, как часто сама ты говорила, *ошибаться во всю свою жизнь*, не бывши ни от кого

² Подлиннике в рассуждении русского перевода.

примечаемой!» Я не буду уже говорить о *твердом поведении без всякой перемены*; но следующее, т. е. *столько зависти*, и проч., показалось мне совсем непонятным и заставило меня справиться с французским оригиналом, в котором нашел я: «*Tant d'envie, comme on vous l'a toujours entendu dire, de glisser jusqu'à la fin de ses jours sans être observée*». Такому человеку, который берется переводить книги с французского языка, можно ли не знать, что *envie* значит не только *зависть*, но и *хотение* или *желание*? «*Glisser jusqu'à la fin de ses jours sans être observée*» есть не *ошибаться во всю свою жизнь, а провести жизнь свою в тишине, не обращая на себя внимания людей*. Такие ошибки совсем непростительны; и кто так переводит, тот портит и безобразит книги и недостойн никакой пощады со стороны критики.

Признаюсь читателю, что я на сем месте остановился и отослал книгу назад в лавку с желанием, чтобы следующие части совсем не выходили или гораздо, гораздо лучше переведены были.